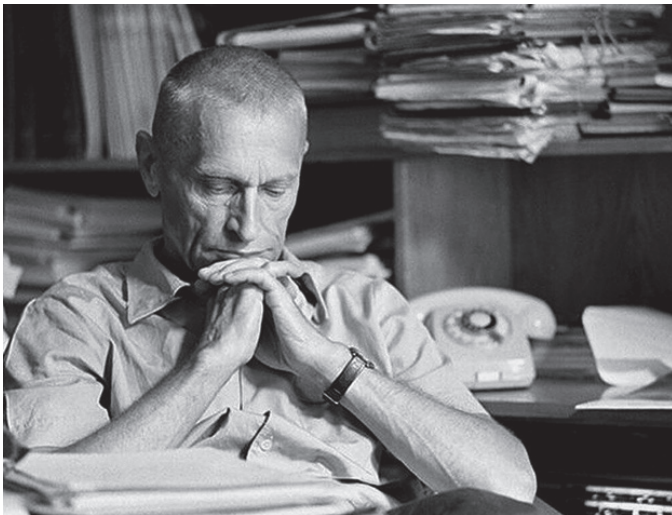

...ВО ДЕРЕВНЕ ТО БЫЛО, В ОЛЬХОВКЕ

В 1913 году там родился великий врач Николай Амосов – хирург, философ, писатель, торакальный хирург (органов грудной клетки), исключительно замечательный человек, спасший жизнь многим сотням людей. Уже в 1939 году гениальный певец Сергей Лемешев спел эту песню – «во деревне то было, в Ольховке». В 1933 году он был уже известен, но ещё не знал, что такой замечательный человек родился в той самой Ольховке. Но это предисловие.

Я учился в восьмом классе 82-ой школы Петроградского района, это был единственный послевоенный класс. В нём было 36 человек. Приходит директриса с завучем и объявляет: «Ребята, надо послужить Родине». После войны в Первом медицинском институте не удалось набрать врачей. Юноши погибли, девушки – кто погиб, кто уже не может этим заниматься. Набрали всего 6 человек девушек, а нужно было 60 человек. Директриса нас оповестила: «Из вас будут отобраны те, кто, каким-то образом, способен на это дело – стать доктором. Будете учиться в Первом медицинском институте, ходить после уроков слушать лекции. Будете держать экзамены, проходить практику, в общем, всё, что вам скажут преподаватели. А кто откажется и уйдёт из школы, уже в ни в какую другую школу не поступит. Это решение высшего руководства страны». Мы все пожалы плечами – надо так надо. Началось с того, что вызвали учительницу биологии спросили: «Кто, по вашему мнению, из всех этих ребят более-менее способен учиться на врача?» Она сразу набрала несколько человек, по-моему, девятих. А завуч, которая была матерью моего друга, говорит: «Вы забыли Юрия Вебера. У него же тётя физиолог, и он прекрасно знает медицину». А у меня с ней были особые счёты, я её не очень любил, поскольку она, по моим понятиям, неправильно преподавала, в смысле, не то, что нужно, для того, чтобы знать биологию. Вот 10 человек нас отправили. Началось с экскурсии. Сначала нас повели в музей института Вредена, который располагался в парке Ленина. Теперь это место очень известное. В Александровском парке недалеко от площади, тогда Революции, сейчас Троицкой, было решено нам кое-что показать. Первым делом потащили нас в музей при морге, а там было то, что в кунсткамере – сердце увеличенных размеров, 4 почки, вместе связанные, ну и так далее... Вот такой музей был. Мы ничего не понимали, а были молодые, не очень-то боялись, посмеялись. А потом нас повели в Кунсткамеру, а уж то, что мы там увидели, нас совершенно поразило. Но показалось этого мало, нас ещё отвезли в основное здание института Вредена. Это была детская травматология и там мы увидели послевоенных детей без ног, без рук, изуродованных, с искажёнными лицами, безглазых. Поскольку они уже никому не нужны были, потому что, родители погибли, при этом институте в Пушкине ещё было что-то типа детского дома, где и содержали этих детей. У большинства из нас забо-

лело сердце, и мы захотели стать хорошими врачами. Мы исправно ходили на лекции. Следующий наш поход был уже в морг Первого меда. И тут при нас патологоанатомы делали все то, что в результате мы видели в музеях. И многим стало уже плохо, но деваться было некуда, потому что сказали – отчислят. Правда, выбирать нас должен заведующий кафедрой хирургии профессор Амосов. Те, кого он выберет, станут врачами, а кого он не выберет, могут вернуться к обычному обучению, и претензий к ним не будет. Ну всё и пошло.

Но Амосов уже знал, что у меня тётя физиолог, заведующая кафедрой физиологии в институте Герцена, что она проректор Ленинградского университета по биологии и по другим наукам, что она член городской комиссии, которая присуждает очередные научные звания лицам, претендующим на них, живущим и работающим в Ленинграде. Поэтому Амосов на меня обращал внимание. Мы усердно учились, и первое, что было мне, девятикласснику, поручено – ассистировать при рождении ребёнка, делалось сечение. Амосов при этом сказал: «Это операция несложная. Ты про это всё хорошо знаешь, поэтому ты будешь моим первым помощником. Учти, без всяких подсказок я делаю свое дело. Я делаю секацию, а ты вынимаешь, освобождаешь, отрезаешь пуповину и всё остальное». Что и было произведено и очень удачно. Я отрезал пуповину, мамочка выжила, и всё у неё было хорошо. Благодарные родители пришли к Амосову, при мне это было, и хотели сделать ему подарок. Он подарок не принял, сказал: «А вот поблагодарить вы можете этого товарища, моего помощника. Но ему материальных подарков не надо, ему важна благодарность». Тогда они спросили: «А как вас зовут?» И спросили разрешения назвать своего сына Георгием. Я, конечно, был рад. Вот у меня первый подопечный назван моим именем.

Девятый класс кончился, была летняя практика. Опять нас таска-

ли на все занятия. Мы изучали анатомию, изучали физиологию, химию, применительно к медицине и все смежные науки, которые нужны для хирурга. Девятый класс, мы уже готовимся к экзаменам в Первом меде и готовимся к экзаменам в школе – это пер-

вый выпускной класс послевоенный. Но сказали, не сдадите там – вылетите из школы, без права поступления в другое учебное заведение. И наоборот, если сдадите – с правом поступления вне очереди в любое медицинское учреждение города Ленинграда. Оставят в Ленинграде. Вызывает меня Амосов, говорит: «Резекция лёгкого. Я буду делать операцию, ты будешь моим первым помощником, то есть, ассистентом. Но я разговаривать во время операции не буду. Единственное, что мне надо, чтобы у меня в окне было голубое небо, трепыхались листики деревьев и больше мне ничего не надо. Поэтому запоминай. Всё буду давать жёсткими, может быть буду мычать». И он промышал для меня за полчаса всё, что было надо. Я сказал, что не все запомнил, можно ли записать? Согласился и снова всё промышал. Причём было так: если он говорил «м» – значит скальпель, если «м-м» – значит, два скальпеля, если не надо – он просто головой кивал, если хорошо – одобрительно кивал. Ну и так далее. У меня долго хранилась эта запись, но сейчас я её утратил, там было 68 команд. Я целую неделю их наизусть учил. И когда пришло время операции, он меня вызвал заранее и спросил, всё ли я запомнил? «Ну, повтори, что нужно делать, когда я скажу: зашивай?». А я ему: «Так вы сказали, что вы не говорите». Так хотел поймать меня на слове. Операция прошла блестяще, мы спасли он-

кологического больного. Удалили это лёгкое. Он сказал «м-м-м-м». Я всё зашил. И я уже посчитал себя доктором. Интенсивно сдавали экзамены в школе. Я уже не рас-

ставался с белым халатом. Но мне вдруг завуч говорит: «Юра, тебя просят подъехать к Амосову в Первый мед. Я приезжаю туда, он такой торжественный в галстук, серьёзный и говорит: «Слушайте, (это мальчику) Юрий Оттович, я считаю, что вы не будете со мной работать, можете забрать документы и спокойно поступать туда, куда вы хотите. До свидания». Пожал мне руку, отвернулся и ушёл. Я ничего не понял. А я настырный человек, я его поймал в коридоре: «Николай Михайлович, что произошло?» «А ты, – сказал он снова на «ты», – спроси у своей тётки». И ушёл. Я пришёл домой, спрашиваю: «Тётя, милая, что ты сказала Амосову?» «Я ему сказала, что ты ветреный, разбросанный, всем увлекаешься, чем не попадая, что из тебя доктора не получится. Я ему порекомендовала не брать тебя». А что значит, если член городской комиссии не рекомендует брать – это табу. Так я и не стал врачом.

Но на этом история не кончилась. Я стал архитектором. Я был ветреным и разбросанным. Гонял на всех видах транспорта. Я уже работал в институте Ленпроект в должности главного архитектора проектов, связанных с медициной. Как раз две мастерские 14 и 15 занимались медициной. И меня вызывает зам. главного инженера института и говорит: «Тебе партийное поручение, хоть ты не член партии, но я, член партбюро, тебе поручаю. Нужно построить клинику для доктора Амосова. Это замечательный хирург, надо сделать так, как он хочет, несмотря ни на что».

Произошла встреча, через лет 20, примерно. Он показал проект, который ему сделал один из моих коллег, и сказал: «Я этим проектом совершенно не доволен. Он мне не нравится, а я хочу то-то, и то-то, то-то и то-то. Вы записывайте, потому что, будет так, как я сказал». А это здание расположено рядом с Финляндским вокзалом, там ограничение по высоте. А он сказал, что ему нужно восемь этажей. Посмотрел проект, там и есть восемь. «Но я же понимаю, восемь мне надо, а ещё этаж нужен, где будет воздух из-готавливаться для операционных, нужен этаж, где всё оборудование будет стоять для операционных, чтобы никаких не было из подвалов проводов, труб. Потому что, случись что, и люди умрут за операционным столом. Должно быть всё индивидуально: специально отдельное электроснабжение, отдельная вентиляция, отдельное водоснабжение с очисткой воды. Кроме того, там применяются радиоактивные вещества, значит, должна быть радиационная защита и персонала и оперируемых, и больных. Кроме того, там всякие правила, как входят из чистой зоны в грязную зону. Это можно сделать, мне сказали, что вы всё это умеете». Я сделал эскизный проект. Он посмотрел, говорит: «Добро». Я говорю: «Но только не разрешат, там ограничение восемь этажей». Отвечает мне: «Садитесь». А он сделал